

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

СЫН ПРИВРАТНИКА

Ганс Андерсен
Сын привратника

«Public Domain»

1866

Андерсен Г. Х.

Сын привратника / Г. Х. Андерсен — «Public Domain», 1866

«Генеральская семья проживала в бельэтаже, семья привратника в подвале. Их разделяло большое расстояние – весь первый этаж, да табель о рангах. Но всё же обе семьи жили под одною крышею, и из обоих жилищ открывался вид на улицу и во двор. На дворе была лужайка, а на ней росла цветущая акация – цветущая в пору цветения. Под нею часто сиживала в летнее время разряженная мамка с ещё более разряженною генеральскою дочкой, «малюткой Эмилией». А перед ними выплясывал босоногий, черноглазый, тёмноволосый сынишка привратника. Малютка улыбалась ему и протягивала ручонки; случалось увидеть в окно такую картинку самому генералу, он кивал головой и говорил: «Charmant!» Молодая же генеральша – она была так молода, что могла бы быть дочкой своего мужа от раннего брака – никогда не смотрела из окна во двор, но раз навсегда отдала мамке приказание, чтобы она позволяла мальчику из подвала забавлять малютку, но отнюдь не дотрагиваться до неё. И мамка строго соблюдала приказ...»

© Андерсен Г. Х., 1866

© Public Domain, 1866

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Ганс Христиан Андерсен

Сын привратника

Генеральская семья проживала в бельэтаже¹, семья привратника в подвале. Их разделяло большое расстояние – весь первый этаж, да табель о рангах. Но всё же обе семьи жили под одною крышею, и из обоих жилищ открывался вид на улицу и во двор. На дворе была лужайка, а на ней росла цветущая акация – цветущая в пору цветения. Под нею часто сиживала в летнее время разряженная мамка с ещё более разряженной генеральскою дочкой, «малюткой Эмилией». А перед ними выплясывал босоногий, черноглазый, тёмноволосый сынишка привратника. Малютка улыбалась ему и протягивала ручонки; случалось увидеть в окно такую картинку самому генералу, он кивал головой и говорил: «Charmant!» Молодая же генеральша – она была так молода, что могла бы быть дочкой своего мужа от раннего брака – никогда не смотрела из окна во двор, но раз навсегда отдала мамке приказание, чтобы она позволяла мальчику из подвала забавлять малютку, но отнюдь не дотрагиваться до неё. И мамка строго соблюдала приказ.

А солнышко одинаково светило и в бельэтаж, и в подвал; акация цвела, потом цветы опали, но на следующий год появлялись новые. Дерево цвело из года в год, цвёл и привратников сынишка, – ни дать, ни взять свежий тюльпан!

Генеральская же дочка была бледненькая, нежненькая, как бледно-розовый лепесток акации. Теперь она редко появлялась во дворе под деревом, – она дышала свежим воздухом в карете, катаясь вместе с тапан. Увидя из окна кареты привратникова Георга, она всегда кивала ему головкою и даже посылала воздушные поцелуи, пока мать не объявила ей, что она уже слишком велика для этого.

Раз утром Георгу пришлось подняться к генералу с газетами и письмами. Проходя мимо чуланчика под лестницей, он услышал там какой-то писк и подумал было, что туда забился цыплёнок. Но оказалась, что там всхлипывает генеральская дочка в кисее и кружевах.

– Только не говори папе и маме, – они рассердятся! – сказала она.

– О чём барышня? – спросил Георг.

– Всё сгорит! – ответила она. – Там горит!

Георг отворил дверь в детскую; оконные занавески почти все обгорели, карниз пылал. Георг подпрыгнул, сорвал занавески, созвал людей. Не будь его, вспыхнул бы настоящий пожар.

Генерал и генеральша подвергли Эмилию допросу.

– Я только взяла одну спичку, чиркнула, она сейчас загорелась и занавеска тоже! Я стала плевать на неё, чтобы потушить, плевала, плевала, но у меня не хватило слюней... Тогда я убежала и спряталась, – я боялась, что рара и тапан рассердятся!

– Плевала, плевала! – заметил генерал. – Это ещё что за слово? Ты его слышала когда-нибудь от рара или от тапан? Это всё оттуда, из подвала!

Маленькому Георгу всё-таки дали целых четыре скиллинга. Он спустил их не в булочной, а в копилку, и скоро там набралось их столько, что он мог купить себе ящичек с красками – раскрашивать свои рисунки, а рисовал он много. Картинки как будто сами собой сыпались на бумагу с кончика его карандаша. Первые же раскрашенные рисунки пошли в подарок Эмили.

– Charmant! – изрёк генерал, и даже генеральша была принуждена сознаться, что можно догадаться, что именно хотел изобразить мальчуган. «В нём есть талант!» Вот с каким известием вернулась в подвал жена привратника.

¹ Бельэтаж – в архитектуре – второй снизу, после цокольного, этаж здания.

Генерал и генеральша были люди знатные; на карете их красовалось целых два герба, – у каждого из супругов был свой. Генеральшин герб красовался и на всём её белье, даже на ночном чепчике и туалетном мешке. Её герб был такой драгоценный! Он стоил её папаше много блестящих червонцев, – ни папаша, ни даже дочка не родились с гербом; она появилась на свет за семь лет до приобретения его папашею. Это отлично помнили все, кроме их самих. Герб же генерала был древний и крупный. И один-то герб довольно тяжело носить на себе, а тут их было целых два, – поневоле затрепишь по всем швам! И немудрено, что разряженная, гордая генеральша выезжала на придворные балы с таким шумом и треском.

Генерал был стар и сед, но хорошо держался на седле. Он это знал и ежедневно выезжал верхом в сопровождении слуги – на почтительном расстоянии. Являясь в общество, он тоже держал себя так, как будто смотрел на всех с высоты седла. Орденов у него было столько, что просто уму непостижимо; сам он, впрочем, был тут ни при чём. Он вступил на военное поприще ещё очень молодым человеком и участвовал во всех больших осенних маневрах за мирное время. От этой эпохи у него сохранялось ещё воспоминание, анекдот, единственный, который он знал и рассказывал. Его унтер-офицер отрезал и взял в плен одного из принцев, и этому пришлось со своим маленьким отрядом въехать в город позади генерала в качестве его военнопленного. Об этом-то незабвенном происшествии генерал и рассказывал вот уже многие годы, никогда не забывая привести памятные слова, которые были при этом сказаны. Генерал, возвращая принцу шпагу, сказал: «Только мой унтер-офицер мог взять в плен Ваше Высочество; я – никогда!» А принц ответил: «Вы несравненны!» На настоящей же войне генерал никогда не бывал; когда шла война, он шёл дипломатическою дорогой и прошёл три иностранных двора. По-французски он говорил так хорошо, что почти забыл свой родной язык, отлично танцевал, ездил верхом, и ордена вырастали у него на груди, точно грибы. Солдаты отдавали ему честь, и одна из первых красавиц отдала ему честь – сделалась генеральшею. Скоро у них появилась прелестная дочка, словно упавшая с неба – так она была прелестна! Едва она начала понимать, сынишка привратника стал выплясывать перед нею во дворе, а потом, когда она подросла, дарить ей все свои раскрашенные картинки. Она принимала их, играла ими и рвала в клочки. Она была такая миленькая, нежненькая!

– Мой розовый лепесток! – говорила генеральша. – Ты рождена для принца!

А принц-то уж стоял за дверями, только никто не знал этого. Люди не видят дальше порога.

– А наемдни наш мальчуган поделился с нею бутербродом! – сказала жена привратника. – Он был без сыра, без мяса, но понравился ей, что твой бифштекс! То-то бы Содом поднялся, узнай об этом генерал с генеральшею! Но они не узнали!

Да, Георг поделился с Эмилией бутербродом; он бы поделился с ней и своим сердцем, знай только, что это доставит ей удовольствие. Он был мальчик добрый, развитой, умный, и уже посещал вечерние рисовальные классы, чтобы хорошенько научиться рисовать. Эмилия тоже преуспевала в науках: она говорила по-французски с своею бонной и брала уроки у танцмейстера.

* * *

– К Пасхе Георг наш будет подтвержден! – сказала жена привратника. Вот как успел вырасти Георг.

– Хорошо бы потом отдать его в ученье! – заметил отец. – Надо только выбрать ремесло почище. Ну, и тогда – с хлеба долой!

– Но он всё же будет, ведь, приходить домой ночевать! – возразила мать. – Нелегко-то найти мастера, который бы взял его к себе совсем. Одевать его нам, значит, тоже придётся. Так уж найдётся у нас для него и кусок хлеба: пара печёных картошек – он и доволен! Учится

же он и теперь задаром. Пусть его идёт своею дорогою; увидишь, как он порадует нас! Это, ведь, и профессор говорит!

Платье для конфирмации было готово; мать сама сшила его, кроил же портной, а он хорошо кроил, даром что должен был по бедности своей пробиваться починкой старой одежды. Поставь он себя иначе, да будь в состоянии держать мастерскую и подмастерьев – говорила жена привратника – он мог бы стать придворным портным!

Итак, платье сшили, и Георг конфирмовался. В день конфирмации он получил от самого богатого из своих крёстных отцов, старого приказчика, большие томпаковые² часы. Старинные они были, испытанные, и имели привычку забегать вперёд, но это лучше, чем отставать. Это был дорогой подарок! От генеральской семьи тоже явился подарок – псалтырь в сафьяновом переплёте. Прислана она была от имени барышни, которой Георг дарил картинки. На первой, чистой страничке книги было написано его имя и её имя с прибавлением «благодарная». *«Георгу на память благодарная Эмилия»*. Написано это было под диктовку генеральши. Генерал прочёл и сказал: «Charmant».

– В самом деле, это большое внимание со стороны таких важных господ! – сказала жена привратника, и Георга, как он был, – в новом наряде и с псалтырью в руках – послали благодарить господ.

Генеральша сидела вся закутанная, – она страдала своею обычною «ужасною мигренью», как и всегда, когда ей было скучно. Но всё-таки она взглянула на Георга очень ласково и пожелала ему всего хорошего, а также – никогда не страдать такою головною болью, как она.

² *Томпак* – разновидность латуни с содержанием меди и цинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.